

Д. М. Гринишин
М. М. Михайлов
Л. А. Сулова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ КАНТА

Философское наследие И. Канта, привлекающее особое внимание в связи с 250-летним юбилеем родоначальника немецкой классической философии, исследовано еще недостаточно.

В связи с интенсивным развитием современной науки во весь рост встали проблемы методологии научного познания. Задачу исследования научного знания развивающаяся наука ставит перед философией уже в XVIII веке, когда теоретическое естествознание делало только свои первые шаги. В гносеологической системе Канта центральное место занимает учение о чувственности, рассудке и разуме как ступенях процесса познания. А между тем проблема уровней знания, занимающая столь большое место в философии Канта, и в наши дни является одной из актуальных проблем, активно обсуждаемых в философской литературе. Выделить качественно отличающиеся друг от друга уровни знания необходимо для более глубокого понимания процесса познания.

Не меньшее значение приобретает и проблема человека, его назначения и места в мире. В домарксистской философии многие весьма ценные аспекты этой проблемы разрабатывались Кантом. Это — понимание человека как общественного существа, развитие его способностей, идея гармонической личности, свободы и равенства людей. С позиций идеалистического гуманизма Кант не мог дать правильного целостного решения проблемы человека, но некоторые рациональные его идеи сохраняют свое значение и в наши дни.

И, наконец, особую актуальность приобретают вопросы войны и мира в современную эпоху. Как подчеркнул в своем докладе на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев: «На протяжении многих веков люди — по крайней мере, самые мудрые среди них — не уставали осуждать и проклинать войну. Народы мечтали о прочном мире, и тем не менее зловещие отблески военных пожаров, больших и малых, лежат почти на каждой странице истории человечества»¹.

Обращение Канта к проблемам войны и мира показывает неустра-

¹ Брежнев Л. И. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. Речь на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. Москва, 26 октября 1973 г. Политиздат, М., 1973, с. 5.

нимое стремление человечества к миру и вместе с тем невозможность решения этой проблемы в ту эпоху. Но Кант поставил вопрос о вечном мире и пытался дать нравственное и социальное обоснование его неизбежности. Он не смог понять, в силу классовой ограниченности, что причины возникновения войн кроются в антагонистической сущности общественных отношений. Поэтому проект вечного мира у Канта носит утопический характер. Но сама мысль о возможности ликвидации войн в будущем обществе, несомненно, заслуживает внимания, и в этом отношении необходимо полностью использовать идейное наследие великого мыслителя. Трактат «О вечном мире» имеет не только историческую ценность, но и сохраняет политическую актуальность в современную эпоху.

1. ГНОСЕОЛОГИЯ КАНТА И СТРУКТУРА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.

В критический период своего творчества Иммануил Кант исследует главным образом проблемы гносеологии. Основной вопрос в теории познания основоположника немецкого классического идеализма — это вопрос о границах и возможности научного знания, о структуре ума.

В факте существования научного знания Кант не сомневается. И не без оснований: успехи математики и теоретического естествознания того времени не оставляли возможности для подобных сомнений. Состояние же современной Канту философии настоятельно требовало ответа на указанный выше вопрос.

Мыслитель считает, что, прежде чем разрабатывать теоретические положения философии, морали, натурфилософии, прежде чем вообще познавать, необходимо исследовать познавательные способности, установить, как далеко может простирается компетенция разума, способно ли познание открыть истину. Если математика и естествознание являются действительными науками, то какие познавательные способности обеспечивают достоверность положений этих наук, то есть их всеобщность и необходимость?

В том, что Кант ставит вопрос о необходимости исследовать познание, состоит большая заслуга мыслителя. Исследование процесса познания и его структуры и в настоящее время является одной из актуальных проблем. Решение этого вопроса в теории познания Канта оказалось несостоятельным. Рассматривать способность познания вне конкретного процесса познания принципиально неверно. Уже Гегель отметил, что «исследование познания возможно только в процессе познания и рассмотреть так называемый инструмент знания значит не что иное, как познать его»¹.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Соч. Т. 1. М., Госполитиздат, 1929, с. 27.

Знание, по Канту, есть суждение, то есть соединение представлений и понятий в сознании. Подлинным знанием философ считает знание, характеризующееся признаками всеобщности и необходимости. Однако данными признаками обладает далеко не всякое знание. Им не могут обладать суждения, полученные из опыта. Опыт ограничен. Посредством опыта мы можем познать лишь отдельное, единичное. Опыт может сообщить суждениям лишь условную и сравнительную всеобщность посредством индукции, но никогда не может дать истинной или строгой всеобщности.

Кант считал, что из единичного, отдельного невозможно вывести необходимое и всеобщее. А если так, то, конечно, суждения восприятия не могут обладать признаками необходимости и всеобщности.

«Вместе со своей эпохой Кант требует от знания абсолютных совершенств: абсолютной необходимости и абсолютной всеобщности. На меньшее он не согласен. И точно также — в согласии с логической наукой своего времени — Кант не знает никаких других логических методов опытного знания, кроме метода простой индукции»¹.

Как же объяснить в таком случае факт существования положений математики и естествознания, обладающих всеобщими и необходимыми признаками? Очевидно, существует еще другой источник познания, кроме опыта, и, естественно, другой вид знания, кроме опытного знания (апостериорного). Этот другой вид знания есть знание априорное, то есть независимое от опыта. Все необходимые и всеобщие суждения — априорные суждения. А источник априорного знания — сама структура человеческой познавательной способности. Задача критической философии, по мнению Канта, заключается в том, чтобы раскрыть его структуру и тем самым выяснить условия достоверности знания. Тем более, что «даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений и из того, что наша познавательная способность (только побуждаемая чувствительными впечатлениями) дает от себя самой...»².

Как видно, Кант ставит две ключевые диалектические проблемы: проблему перехода от чувственного к рациональному и проблему перехода от эмпирического к теоретическому. Но решить эти проблемы в ту эпоху, эпоху метафизики, было невозможно, ибо необходимость понималась как исключаящая всякую возможность, и единичное рассматривалось как безусловная противоположность всеобщего.

На позициях метафизики в решении выдвинутых им диалектических проблем остается и Кант, ибо он не видит связи между теоретическим и эмпирическим, не видит, что всеобщность теоретического знания — всеобщность диалектическая.

¹ Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1929, с. 49.

² Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 3. Под ред. В. Ф. Асмуса и др. М., «Мысль», 1963—1966. с. 105. Далее при цитировании по этому изданию сокращаем следующим образом: Кант И. Соч., указывается том и страница.

Неизбежным для Канта был выход в априоризм, ибо философия того времени не знала критерия материальной практики. Тогда как только посредством этого критерия можно объяснить возможность и неизбежность перехода от относительной всеобщности и необходимости опытного знания к всеобщности и необходимости безусловной.

Только исходя из материалистической диалектики можно научно объяснить, каким образом совершается переход от знания менее вероятного к более вероятному и достоверному.

Крупный ученый своего времени, наметивший путь для правильного диалектического понимания природы, показавший, что природа не неизменна, но развивается, Кант в то же время даже не ставит вопроса о развитии в теории познания. Он берет выработанные многовековым развитием науки и практики человечества знания, отвлекаясь от истории их развития, и объявляет их существующими вечно — априорными. А как раз история развития наук, в том числе математики, показывает, что все, без исключения, всеобщие и необходимые положения имеют своим источником объективную действительность. И такая абстрактная наука, как математика, развивалась в прямой зависимости от практического опыта человечества, от реальных потребностей. Иллюзия независимости общих законов наук от материального мира, абсолютизирование этой независимости и явились основой кантовского априоризма. Априоризм оказался единственным выходом. Философа вели к нему и объективные, и субъективные предпосылки.

Итак, единственный источник теоретического знания или, что то же самое, необходимых и всеобщих суждений, согласно Канту — априорные усмотрения. Конечная цель всего нашего познания — это априорные синтетические суждения, то есть суждения, расширяющие наши знания. Путь к ним, согласно Канту, сложен, и его раскрытию служит вся система познания немецкого мыслителя.

«Существуют два ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, — пишет Кант, — а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся»¹.

Чувственность рассматривается Кантом как бесформенный материал, это чисто пассивная, только воспринимающая способность. Лишь рассудок способен мыслить, устанавливать связь между чувственно данным.

Понятия, которые доставляет рассудок, оформляя чувственно данное многообразие, утверждает Кант, могут быть или чистыми, или эмпирическими. Если в них содержится ощущение, вызываемое присутствием предмета, они будут эмпирическими. Если же к ним не примешиваются ощущения, составляющие материал знания, они

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 123—124.

будут чистыми. Кант пытается отыскать в рассудке такие чистые понятия, которые являются общими, формальными условиями мыслимости любых предметов, исходя из убеждения, что прежде, чем что-либо мыслить, рассудок должен иметь способность мыслить самые общие понятия и отношения.

Эти априорные понятия подготовлены в рассудке заранее и возникают из него как из абсолютного единства, связанные друг с другом одним общим понятием или идеей. Обуславливаются они функцией самого рассудка, то есть единством деятельности, подводящей различные представления под одно общее представление. Таким образом соединяются в единство многие возможные знания. Присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания Кант называет синтезом.

Посредством синтеза многообразного, будет ли оно дано эмпирически или априори, впервые получается знание. Это знание первоначально может быть неясным, в таком случае оно нуждается в анализе. Тем не менее посредством синтеза из элементов составляет знание. Но чтобы получить знание в собственном смысле этого слова, говорит Кант, необходимо свести его к понятиям, что осуществляет функция рассудка. Чистый синтез дает рассудочное понятие. Вообще для априорного синтетического познания предметов или процесса подведения под понятия чистого синтеза представлений необходимо наличие следующих условий. Во-первых, — многообразии чистых наглядных представлений, во-вторых, — синтез этого многообразия посредством способности воображения и, в-третьих, понятие, сообщающее единство этому чистому синтезу и представляющее это необходимое синтетическое единство. Таким понятием у Канта является категория.

Категории (чистые понятия синтеза), с точки зрения Канта, не дают никакого понятия об объекте и нуждаются в чувственном созерцании как в своей основе. Но мыслить многообразные наглядные представления можно только посредством данных категорий — общих априорных понятий рассудка. Следовательно, знание есть синтез чувственности и рассудка. «Мысли без созерцания пусты, созерцания без понятия слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком... (т. е. подводить под понятия)»¹.

Учение Канта о категориях идеалистично, так как он выводит категории из сознания и рассматривает их как неизменные. С точки зрения диалектического материализма, категории объективны по своему содержанию, являются ступенями, узловыми пунктами процесса познания. Но Кант глубоко прав в том, что новое знание всегда подводится под определенные известные ранее категории. В единич-

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 155.

ном познавательном акте чувственные представления также подводят-ся под используемые ранее категории, и в этом отношении они выступают как предпосылки познания.

Кроме того, рассматривая акт познания как возникновение знания, Кант указывает необходимые компоненты этого акта. Философ близок к верному пониманию процесса познания. Синтезируя многообразные наглядные представления любых конкретных явлений, мы затем подводим их под соответствующее понятие. Объясняя превращение чистых наглядных представлений в понятия, Кант обращается к воображению. Воображение, наряду с интуицией, играет большую роль в познании, особенно в создании новых систем, в становлении идей.

Если у Канта способность воображения играла большую роль в формировании чистых рассудочных понятий, в конечном счете, в создании закономерностей природы, то исследование этой способности в марксистской гносеологии, возможно, откроет новые пути становления научных понятий, приведет к открытию новых закономерностей объективного мира.

Заслуживает внимания также идея Канта о единстве мыслительных процессов, когда он анализирует функцию рассудка. Философ верно усматривает, что мышление едино в своих проявлениях. В этих рассуждениях Кант стоит на пороге преодоления дуализма чувственности и рассудка, содержания знания и его формы и вместе с тем эмпирического и теоретического знания. Но Кант не мог найти правильного решения, ибо не видел, что источник этого единства не в рассудке, а в единстве объективно существующих связей. «Однако, не предмет заключает в себе связь, которую можно заимствовать из него путем восприятия, только благодаря чему оно может быть усмотрено рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность априори связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании»¹.

Но как возможно подведение многообразия чувственных наглядных представлений под чистые понятия рассудка, то есть применение категорий к явлениям?

Ясно, говорит Кант, что должно существовать нечто третье, однородное и с категориями, и с явлениями, и делающее возможным применение категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым, не заключающим в себе ничего эмпирического и вместе с тем с одной стороны — интеллектуальным, с другой стороны — чувственным. Такова трансцендентальная схема. Такой третьей, промежуточной формой (трансцендентальной схемой) является время. Время однородно с категорией, так как оно содержит

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 193.

априори многообразное в чистом созерцании. Единство многообразного, как было уже указано, не может быть воспринято чувствами. Но время однородно и с явлениями, поскольку они содержатся во всяком эмпирическом представлении о многообразном. Поэтому время как схема рассудочных понятий делает возможным подведение явлений под понятия.

Таким образом, схемы категорий устанавливают границы применения рассудка, сфера деятельности которого распространяется на находящийся во времени и пространстве материал чувственности. Благодаря трансцендентальному схематизму устанавливается связь чувственности с априорными категориями рассудка, что приводит к основоположениям чистого рассудка, то есть к расширяющим наше знание априорным синтетическим суждениям. И, наконец, стремление Канта соединить чувственность и рассудок ставит вопрос о применении категорий к фактам, открываемым наукой. Этот вопрос, безусловно, имеет большое теоретическое значение и заключает в себе немалые трудности, которые не всегда удается преодолеть. Истории науки известно немало случаев, когда вновь открываемые факты интерпретировались неверно из-за ошибочного применения к ним той или иной категории. В гносеологической системе Канта, которая основывается на априоризме, этот вопрос принципиально неразрешим, ибо отличие понятий и категорий от чувственно данного абсолютизируется до предела и, естественно, органическое единство единичного и общего, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического в этой системе становится невозможным.

Многообразие чувственного созерцания связывается способностью воображения. Способность воображения, что касается единства ее интеллектуального синтеза, зависит от рассудка; если же иметь в виду многообразное содержание схватываемого — от чувственности. Восприятие зависит от синтеза схватывания. А сам этот эмпирический синтез, как известно, зависит от трансцендентного синтеза, то есть от категорий. Значит, все возможные восприятия, все явления природы, что касается их связи, должны подчиняться категориям. Природа вообще зависит от категорий, как от первоначального основания ее необходимой закономерности.

Природа оказывается, по Канту, порождением рассудка и со стороны содержания, и со стороны формы. «Под природой Кант понимает отнюдь не независимый от субъекта мир вещей в себе, который невозможно познать ни априори, ни апостериори. Природа в «материальном отношении», то есть с точки зрения своего содержания, есть, по Канту, совокупность всех предметов опыта; в формальном же отношении «природа — это необходимая априорная закономерность всех предметов опыта»¹.

¹ Попов С. И. Кант и кантианство. М., Изд-во МГУ, 1961, с. 70.

Основоположения рассудка, осуществляя применение категорий к опыту, делают возможной природу как предмет познания. В конечном счете, природа как совокупность законов становится возможной благодаря трансцендентальному единству самосознания, которое вносит законы в природу, упорядочивая многообразие наглядных представлений посредством единства априорных форм. По существу, законы природы — это законы трансцендентального самосознания.

В нашей философской литературе уже неоднократно отмечалось как заслуга Канта в области теории познания то, что он справедливо обратил внимание на активность мышления в познании, на деятельную сторону человеческого сознания, пытался опровергнуть представление о созерцательной природе человеческого сознания.

Однако поставив эту проблему, Кант не смог ее правильно решить, «так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»¹. Кант рассматривает познание вне практики, вне истории, в результате чего деятельная сторона познания оказалась развитой абстрактно, истолкованной идеалистически. Деятельность мышления оказалась у Канта настолько преувеличенной, что объект познания превратился в продукт сознания. Рассудок создает природу. Закономерность природных процессов объявляется в критической философии априорной формой рассудочного познания. Процесс формирования человеческих представлений о природе рассматривается как созидание природы.

Высшая ступень познания, согласно Канту, это разум. Если рассудок судит, то разум умозаключает. А всякое умозаклучение, согласно Канту, есть форма вывода знания из принципа, так как большая посылка дает всегда понятие, благодаря которому все, что подводится под его условие, познается из него согласно принципу.

Большей посылкой в умозаклучении может быть всякое общее знание. Значит, ею могут быть и общие положения, доставляемые рассудком. Однако основоположения рассудка не являются познаемыми из понятий, ибо, в конечном счете, они всегда опираются на опыт. Рассудок никогда не может дать синтетических знаний из понятий. Отсюда значение его истины условно, относительно. Рассудочные знания можно назвать лишь относительными принципами. Абсолютными принципами могут быть только синтетические знания из понятий, то есть знания разума.

Разум стремится свести огромное многообразие знаний к наименьшему числу принципов, то есть общих условий, и тем самым достигнуть высшего их единства. Достигается это высшее единство посредством сравнения рассудочных понятий. Единство, мыслимое в категориях, разум стремится довести до абсолютно безусловного, в этом состоит его назначение. Благодаря деятельности разума знания рассудка подчиняются друг другу.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1953, с. 1.

Высшее собственное основоположение разума вообще в его логическом применении состоит в подыскивании безусловного для обусловленного знания, чтобы завершить единство знания.

Высшее основоположение разума имеет синтетический характер. Из него возникают различные синтетические положения, которые не может знать рассудок, поскольку он имеет дело с предметами опыта, знание и синтез которых всегда обусловлены.

Если рассудок оперирует категориями, то разум — трансцендентальными идеями. Понятия рассудка получаются путем рефлексии, а понятия чистого разума — умозаключений. Понятия рассудка, прежде всего, дают материал для умозаключений, им не предшествуют никакие априорные понятия о предметах. И их применение всегда может быть указано в опыте. Понятия же разума, трансцендентальные идеи, не ограничиваются сферой опыта, они содержат в себе безусловное и относятся к такому знанию, к которому не может поддаться никакой опыт, хотя опыт подчиняется ему и выходит из него.

Подобно тому, как рассудок связывает посредством понятий многообразие явлений и подводит их под эмпирические законы, задача разума — сделать систематическим единство всех возможных эмпирических действий рассудка.

Особого внимания заслуживают мысли Канта о диалектическом характере разума. Разум хочет получить ответы на вопросы: имеет ли мир начало во времени и пространстве или он безграничен в пространстве и вечно во времени; состоит ли все в мире из простого и неделимого или все сложно; существует ли в мире свобода или все совершается с необходимостью; существует ли бог как первопричина или нет.

Но на эти вопросы, утверждает Кант, нельзя получить однозначного ответа. Здесь разум впадает в противоречие с самим собой и порождает антиномии — несовместимые друг с другом положения, которые с одинаковой степенью достоверности доказуемы. Как пишет Кант, «неожиданно обнаруживается противоречие, неустранимое обычным, догматическим путем, так как и тезис, и антитезис можно доказать одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами — за правильность их всех я ручаюсь»¹.

Бесспорно, все учение Канта о диалектичности разума имеет своим выводом утверждение непознаваемости вещи в себе. Тем не менее его учение о противоречиях (антиномиях) разума имело большое значение для развития положительной диалектики. Обнаружение противоречий в разуме открывало путь для развития как объективной диалектики, так и диалектики мышления. Сам того не сознавая, Кант, доказав антиномиями, что мышление совершается в противоречиях, положил начало диалектике как методу мышления. Своим учением Кант показал, что диалектика — это необходимая форма

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 161.

мышления, характеризующая высшую ступень знания при реализации основных синтетических задач. Сам Кант считал, что обнаруженные им диалектические противоречия существуют лишь в разуме. Он был далек от понимания того, что противоречия в разуме есть отражение объективно существующих противоречий. Кроме того, Кант указывает только четыре антиномии. Он не заметил, что антиномичность присуща всем утверждениям мысли. Но отыскание противоречий и не было целью Канта.

Кант видел цель разума в избавлении мысли от противоречий, которые свидетельствуют о пороке разума. Критерий истины для него состоял в свободе от противоречий. По существу Кант видел значение противоречий в познании в том, что они ограждают разум в его бессмысленных попытках выйти за пределы опыта, проникнуть в мир вещей в себе.

В действительности же диалектические противоречия процесса познания — это движущая сила познания. Разрешение противоречий свидетельствует о проникновении человеческого разума в сущность вещей.

Следует отметить, что диалектическую природу разума Кант показал на самых глубоких проблемах познания, на которые необходимо наталкивается разум человека в своем движении вперед. Но, поставив важнейшие, коренные проблемы диалектики, Кант пытается решать их далеко не с диалектических позиций.

Так, например, при рассмотрении двух противоположных, исключаящих друг друга положений: «мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве» и «мир бесконечен во времени и безграничен в пространстве» — вместо того, чтобы сделать диалектический вывод, что мир безграничен в пространстве и бесконечен во времени, но существует в форме ограниченных в пространстве и времени вещей, Кант, оставаясь на позициях метафизики и агностицизма, делает другой вывод: эти положения оба истинны. Разум переступил границы познания. А ведь оставалось сделать только шаг, чтобы с позиций отрицательной диалектики перейти к диалектике положительной.

Таким образом, в кантовском учении о чувственности, рассудке и разуме содержатся глубокие идеи, которые послужили исходным пунктом правильного диалектического решения проблем мышления. Задуманная как критика диалектической видимости, трансцендентальная диалектика, или учение о разуме, содержит элементы позитивного решения вопроса о высшей ступени познания.

Но, помимо того что Кант поставил ряд проблем диалектики мышления, важно отметить, на наш взгляд, и не менее актуальные проблемы моментов и структуры, точнее, уровней знания в его гносеологии.

Кант рассматривал знание как синтез чувственности и рассудка (мышления). Он говорил о двух стволах человеческого знания, вы-

растающих из одного общего корня, — чувственности и рассудке. Этот «общий корень» есть не что иное, как человеческое сознание, формами которого выступают чувственность и мышление. Канту этот «корень» остался неизвестен, ибо его объяснение возможно только на основе диалектического материализма, с точки зрения теории отражения.

Чувственность, согласно Канту, представляет материал для познания. Сама по себе, даже в своей высшей форме — в форме наглядных представлений, чувственность еще не дает знания. И в этом с ним нельзя не согласиться. Можно — и нужно — критиковать Канта за идеалистическое объяснение им способа получения наглядных представлений. Но следует отметить, что здесь, как и во многих других вопросах, Кант правильно отмечает действительно имеющий место в процессе познания факт, что наглядные представления еще не есть знания. Знание есть синтез чувственности и мышления, — утверждает марксистская гносеология.

Таким образом, чувственность Кант рассматривает как необходимый, наряду с мышлением, момент познания. Правда, решение проблемы чувственного и рационального у Канта насквозь метафизично. Считая, что чувственность дает содержание, а рассудок — форму знания, Кант тем самым противопоставляет их так, что чувственность остается только пассивным, а рассудок — активным моментом познания. Это метафизическое противопоставление вызвано агностицизмом. Ведь чувственность, согласно Канту, доставляет в качестве предмета знания явления, становящиеся, благодаря априорным формам пространства и времени, предметами внешнего мира.

Прослеживая определение рассудка в «Критике чистого разума» и в «Пролегоменах», можно сказать, что рассудок у Канта отождествляется с мышлением вообще. Это одна тенденция в рассмотрении Кантом рассудка, призванная, на наш взгляд, подчеркнуть специфику, назначение рассудка по сравнению с чувственностью. Другая тенденция, наиболее примечательная, состоит в том, что рассудок выступает как ступень познания. Кстати, сам Кант не говорит о рассудке как ступени познания. Интерпретация рассудка как ступени познания принадлежит исследователям его наследия.

В самом деле, термин «ступень» предполагает развитие, Кант же в теории познания не ставит вопроса о развитии. Однако результаты исследования великого мыслителя выходят за рамки его замысла. Фактически Кант в исследовании познания отражает развитие процесса познания с одной ступени на другую, правда, еще на основе глубоких догадок, не ставя перед собой такой цели и не отдавая себе отчета в этом.

Согласно Канту, рассудок устанавливает, а в действительности, разумеется, вскрывает связь между явлениями, приводит их к определенному единству. Высшим достижением рассудка как ступени по-

знания являются частные законы, законы эмпирического уровня знания.

В учении о схематизме рассудка Кант пытается обосновать применение категорий к чувственно данному многообразию. Постановка этого вопроса есть признание обусловленности научного познания, зависимости его от достижений теоретического познания.

Наконец, на ступени рассудка предмет не может быть познан во всей своей полноте. Многообразные рассудочные определения предмета разрозненны, не связаны воедино, выступают в виде знания, имеющего лишь относительно всеобщий характер. Истинное знание предмета может быть достигнуто тогда, когда будет дано его полное определение на основе одного общего принципа,— справедливо заявляет Кант, связывая истину с единством систематического знания. Как утверждает марксистская гносеология, объективная истина конкретна и существует в форме теоретической системы.

Систематическое единство всех рассудочных знаний, согласно Канту, осуществляется на ступени разума. Разум призван сообщить многообразным и относительным рассудочным знаниям всеобщий и необходимый характер.

Познание на ступени разума характеризуется тем, что это есть познание частного через общее, познание на основе принципов. Таким образом Кант высказывает глубоко верное положение, так как цель научного познания — на основе всеобщего объяснить единичное и особенное.

Кант постоянно говорит о всеобщем и необходимом единстве, к которому стремится познание на ступени разума. Научный опыт естествоиспытателя и интуиция гениального мыслителя подсказывали ему единственную возможность и вместе с тем условие достижения истинного, конкретного знания о предмете.

Процесс объяснения единичного и особенного на основе всеобщего осуществляется при восхождении мышления от абстрактного к конкретному на теоретическом уровне познания. Объяснить на основе общего частное можно потому, что общее выражает сущность. Именно потому, что знание общего есть знание сущности, и возможен синтез разрозненных знаний о предмете, их систематическое единство.

Конечно, у Канта нет и мысли о том, что всеобщее выражает сущность вещей, что только поэтому на его основе объединяются многообразные определения рассудка, достигается систематическое знание. Будучи агностиком, Кант оставался далеким от истинного понимания процесса познания. Он не мог признать такой возможности познания как постижение сущности уже потому, что в таком случае рухнула бы вся так пунктуально построенная им система агностицизма. В гносеологической системе основоположника немецкого классического идеализма нет и не могло быть понятия сущности, мыслитель говорит о безусловном.

Разум, согласно Канту, ищет безусловное, восходя от одного условия к другому. Материалистически истолкованное, это положение означает, что познание идет от менее глубокой сущности к сущности все более глубокой.

Глубокая всеобщая основа, сущность объекта познается на высших ступенях познания, на теоретическом уровне познания. Кант же считал, что всеобщее в действительности не существует. Безусловное, то есть условие всех условий, условие всего обусловленного в его системе остается понятием или идеей без объективной реальности, имеющим тем не менее регулятивное значение. Однако следует отметить, что, пусть на идеалистической основе, но Кант говорит о всеобщем знании, рассматривая высшую ступень познания.

Из того факта, что сущность предметов, явлений не может быть дана непосредственно в чистом виде, Кант делает вывод, что идеи — это субъективные условия познания, имеющие тем не менее регулятивное значение. Мысль, что на высших ступенях познание выходит за пределы непосредственно данного, должна быть отмечена как положительная.

Материалистически истолкованное утверждение Канта, что идеи имеют методологическое значение, что благодаря им рассудочное знание составляет систему, связанную по необходимым законам, и тем самым достигается высшее единство знания, отражает важную закономерность познавательного процесса. Но Кант, разумеется, не прав, считая, что идеи не черпаются из объективного мира. Понятия, категории, идеи, теории объективны по своему происхождению, содержанию и цели.

Таким образом, рассматривая разум как высшую ступень познания, Кант ставит и пытается решить — конечно, на идеалистической основе — следующие важнейшие вопросы: о постижении все более глубокой сущности, о роли идей в познании, о систематичности знания, о том, что познание на высших ступенях выступает в качестве метода.

2. О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Философия в ее широком значении, согласно Канту, отражает интересы человечества, и ее великие, основополагающие вопросы, а в сущности, философские вопросы человека таковы: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что такое человек?

Соответственно, на них отвечают: философия, мораль, религия, антропология. «В сущности,— разъясняет Кант,— все это можно бы

свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему»¹.

Поставив человека в центр мироздания, Кант рассматривал его как независимого творца, предписывающего свои законы миру явлений. Критикуя крайности подобного подхода, Б. Рассел остроумно замечал: «Кант говорил о себе, что он совершил «коперниканскую революцию», но выразился бы точнее, если бы сказал о «птолемеевской контрреволюции», поскольку он поставил человека снова в центр, в то время как Коперник низложил его»².

На первый взгляд может показаться, что Кант действительно явился своеобразным новым Птолемеем в философии. Но если вникнуть в сущность «коперниканской революции» Канта, правильно интерпретировать его сравнение своей философии с методом Коперника, то окажется, что оно весьма удачно. Канта привлекали прежде всего мысли Коперника о силе и могуществе человеческого познания, возможности предвидения происходящих изменений в движении небесных тел, о различении кажущегося и действительного. Короче говоря, изменение в способе мышления человека. Своеобразный антропоцентризм позволял Канту, помимо этого, возвести нравственное начало в мировоззрении человека на высший пьедестал.

Таким образом, антропоцентризм Канта, сложившийся под сильным влиянием Руссо, приводит его к новой оценке роли научного знания, целей и назначения человека и, в конце концов, к созданию «критической» философской системы.

Согласно Канту, важнейшая революция во внутреннем мире человека — это раскрепощение человеческого разума, умение самостоятельно пользоваться им. Эпоха Просвещения провозгласила автономность личности, равенство людей, разумное устройство общественной жизни, воспитание цельной человеческой личности, свободу мысли. И Кант, находящийся под сильным влиянием просветительского движения не только Германии, но и Франции, являлся выразителем его буржуазно-демократических идеалов. Достаточно указать, что от его первой работы «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746) до «Спора факультетов» (1798) «свобода мысли» являлась постоянной темой. Однако это не означало, что Кант целиком разделял взгляды просветителей. Он не придерживался, например, принципа эвдемонизма, который разделяли многие представители Просвещения. С его точки зрения, прогресс в истории и степень совершенства человека измеряются не счастьем человека и не стремлением к нему, как думали просветители, а развитием моральной свободы и морального сознания. Кант полагал, что основой истинной человеческой нравственности является не достижение счастья, а долг. Долг определяет добро. Поэтому его этика была этикой должного, а не

¹ Кант И. Логика. Пг., 1915, с. 16.

² Рассел Б. Человеческое познание. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, с. 31

сущего, стоической, а не эпикурейской. Бесспорно, этическая концепция Канта была обусловлена и его религиозно-протестантскими взглядами, его принадлежностью к пиетизму как особому направлению в протестантстве, противопоставлявшему чувства разуму и борвавшемуся с просветительской философией.

Особую роль в формировании взглядов Канта на человека сыграл Руссо. Как отмечал В. Серезников: «Через всю философскую деятельность Канта проходит влияние Руссо. Этому влиянию Кант обязан постановкой проблемы человека и общества и в нем же следует искать корни кантовского критицизма»¹. Следование идеям Руссо обнаруживается как в докритический, так и в критический период деятельности Канта. Опубликование работы Руссо «Эмил, или о воспитании» (1762) привело к глубокому переосмыслению им своих взглядов. Воздействие мысли Руссо признавал сам немецкий философ в сочинении «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), в котором он обращал внимание на необходимость исследования человека не только как разумного, но и морального существа. «Сам я по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду познания, неутолимое беспокойное стремление двигаться вперед или удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знавшую. Руссо исправил меня. Указанное ослепляющее превосходство исчезло; учусь уважать людей...»². Таким образом, он признает здесь, что научное знание уступает место иному, нравственному подходу в определении целей человечества. Впоследствии это становится основным мотивом мышления Канта.

В критический период еще более сильное воздействие на его философию истории оказала работа женевского мыслителя «Об общественном договоре». В целом Руссо оказал на философию Канта, особенно в социально-политической и моральной сферах, не менее сильное влияние, чем Юм — в теоретико-познавательной.

Учение Руссо вызывает интерес Канта к проблемам государства, прав человека, общественного неравенства, народного суверенитета и особенно правового гражданского общества.

Руссо доказывал, что повиновение закону, навязанному человеку помимо его воли, есть рабство.

Неповиновение закону, однако, есть анархия. Чтобы избежать этих крайностей, Руссо сформировал идею об управляемой гражданами республике. В ней каждый человек приобретает гражданскую свободу и права собственности. Гражданин в таком обществе имеет различие между своим частным интересом и всеобщей разумной волей, выразителем которой является народ. Но как конкретный но-

¹ Серезников В. Кант. М.—Л., Гос. изд-во, 1926, с. 218.

² Кант И. Соч., т. 2, с. 205.

ситель всеобщей воли он желает себе того же, чего другим и наоборот. Всеобщая воля не имеет моральной значимости, если она не гарантирует права отдельной личности и соблюдение интересов общественного целого. Но если это имеет место, тогда свобода человека и социальная гармония достижимы.

Канта особенно привлекает у Руссо идея всеобщей воли, позволяющая устанавливать нравственное единство всех людей. Он стремится перевести социально-политическую мысль Руссо в сферу морали. «В действительности же,— пишет Л. У. Бек,— теория Руссо имела не политическое, а моральное значение для Канта»¹. С этим нельзя не согласиться.

Однако Кант осознавал и отличие своего подхода к проблемам человека и общества: «Метод Руссо — синтетический, и исходит он из естественного человека; мой метод — аналитический, и исхожу я из человека цивилизованного»².

В противоположность идеям Руссо и традициям французских просветителей, согласно которым человек является добрым существом, Кант придерживается мнения, что человек по своей природе зол. В этом он следует концепции Гоббса, утверждавшего склонность человека к эгоизму и злу. Как отмечал английский исследователь творчества Канта Н. К. Смит в известном комментарии к первой «Критике» — «В одном фундаментальном отношении Кант разорвал с учением Руссо, именно, подвергая сомнению его учение о естественной доброте и неограниченном совершенстве человеческой природы»³.

Весьма важно отметить, что проблема человека и его места в мире занимала мыслителя как в докритический, так и в критический период его творчества, хотя специально философией истории в докритический период он не занимался. Как и в теории познания, в освещении проблемы Канту присущи колебания между материализмом и идеализмом.

Так, в «Уведомлении о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 гг.» Кант определил основные моменты своего метода исследования человека. Уже здесь он указывал на необходимость изучения природы человека и его истории. Сущность человека, согласно Канту, может быть установлена лишь с помощью этики. Мыслитель видит несоответствие природы человека и того места в современной Канту действительности, которое он занимал. Более того, Кант говорит об искажении облика человека «навязанными» обстоятельствами.

Не удовлетворяясь местом человека в социальной действительности Германии, не обнаруживая в ней этического и социально-поли-

¹ Beck L. Wh. Early German philosophy. Kant and his predecessors. Harvard University press. Cambridge—Massachusetts, 1969, p. 490.

² Кант И. Соч., т. 2, с. 192.

³ Smith N. K. A. Commentary to Kant's „Critique of pure reason”. 2-ed [Reprint] New-York. Humanities Press, 1962, p. 48.

тического идеала, Кант таким идеалом объявляет человека вообще, абстрактного человека, наделяя его рядом совершенств.

Ряд ценных материалистических мыслей высказывает Кант в курсе лекций по физической географии. Географию он понимал в самом широком смысле, включая в нее ее историю и современное состояние, а также физический, моральный и политический разделы. «Эту дисциплину,— пишет Кант,— будут, таким образом, составлять физическая, моральная и политическая география, в которой сначала рассматриваются особые свойства природы во всех трех ее царствах, однако преимущественно те из бесчисленного множества их, которые привлекают своей редкостью или же влиянием, оказываемым через посредство торговли и ремесел на государство, и тем самым больше всего способны возбудить всеобщую любознательность. Эта часть, рассматривающая естественные условия всех материков и морей, как и основание их связи, представляет собой подлинный фундамент всей истории, без которой ее трудно было бы отличить от сказок»¹.

Как видно, Кант высказывает правильную мысль о влиянии географической среды на развитие общества. Кроме того, развитие общества опосредствовано торговлей и промышленностью, то есть практической деятельностью человека. Хотя в целом в философии Канта отсутствует понятие общественно-исторической практики, здесь он вплотную подходит к ее определению.

Второй раздел географии рассматривает человека во всем многообразии его естественных и моральных свойств, а третий — состояние государств и народов на земле. С точки зрения Канта, историческое развитие страны зависит не от случайных факторов (смены правителей, завоеваний, распрей), а от постоянных: «от положения этих стран, продуктов (труда), нравов, ремесел, торговли и народонаселения»².

Таким образом, основу развития общества, его истории, по мнению Канта, составляют материальные факторы, точнее, естественная среда и экономические отношения. Правда, мысль о роли экономических отношений у Канта выражена неотчетливо, скорее можно говорить о подходе к этой формулировке. Кроме того, экономический фактор перечислен наряду с другими — нравственным, демографическим, что указывает на эклектичность подобного подхода. Но для Германии XVIII века, где господствовало теологическое понимание истории, взгляды Канта на исторический процесс, безусловно, были прогрессивными.

Кант обратил внимание на роль человеческих задатков, антагонистическую борьбу эгоизма и альтруизма в человеческой природе. Под влиянием Руссо немецкий мыслитель подчеркивал значение «правила общей воли», на основе которого возможно возникновение

¹ Кант И. Соч., т. 2, с. 288.

² Там же, с. 288.

нравственного единства человечества и разумное устройство его жизни. Это отнюдь не призыв к революционному изменению мира, но стремление к его преобразованию на этической основе.

Важное место в философско-исторических воззрениях Канта занимает проблема происхождения человека.

В ряде работ он сравнивал человека с его предком — животным, отмечая общие с ним черты. Так, в «Рецензии на сочинение Моската «О существенном различии в строении тела животных и людей» (1771) Кант писал, что внутренние органы человека устроены так же, как у всех четвероногих животных.

Но Кант не дал научного объяснения эволюции от четвероногого животного до человека, заявляя, что разум человека заставляет его отклониться от первоначального, свойственного животным, положения. Здесь он прибегает к типичному для метафизики аргументу, утверждая, что такова была забота природы: «Но заботой природы было также и то, чтобы в человеке был заложен еще и зародыш разума, посредством которого, если этот зародыш развивается, человек предназначается для общества и пользуясь которым навсегда принимает наиболее подходящее для этого положение, а именно положение *двуногого...*»¹.

Исторический взгляд на развитие человечества ясно обнаруживается в другой работе Канта — «О различных человеческих расах» (1775). Прежде всего, Кант выдвигает идею единства человеческого рода, пишет о том, что «все люди на всем пространстве земли принадлежат к одному и тому же естественному роду, ...как бы сильно они вообще не различались по своему внешнему облику»². Причины же различий человеческих рас Кант усматривает в таких материальных факторах, как условия жизни, включающие свойства почвы, питание, климат и т. п. Приспособление человека к различным условиям приводит, в конце концов, к различным видоизменениям человеческого рода — к расам.

Конечно, некоторые выдвигаемые Кантом положения не согласуются с данными современной науки. Это объясняется ограниченностью научных сведений, то есть ограниченностью самой науки того времени и почти полным отсутствием истории науки. Для нас важно прежде всего то, что Кант стоит на точке зрения естественно-исторического развития.

Кант различал три ступени развития человека: культивирование способностей в отношении искусств и наук, цивилизацию, ограничивающую врожденный эгоизм человека, моральное совершенствование. Этот процесс развития означал, в сущности, освобождение человека от его природных инстинктов, приобщение к моральным ценностям как высшему благу человечества. История выступала как процесс

¹ Кант И. Соч., т. 2, с. 441.

² Там же, с. 445—446.

воспитания человека. Цель ее — это воспитание в человеке совершенно разумного существа, развивающего свои способности.

Примечательна мысль Канта о культуре (в широком историческом смысле этого слова) как о «культивировании» способностей и сил человека. Он полагал, что поскольку сущность культуры состоит в общественной ценности человека, в будущем задача развития его способностей займет центральное место в прогрессе цивилизации. Естественное предназначение человека Кант видит в «высшей культуре», включающей в себя «культуру душевных сил» (развиваемой посредством гуманитарного образования) и «культуру морального чувства» (основанную на моральном законе)¹.

Кант различает в человеке три типа задатков — технические, прагматические и моральные. Технические задатки, или задатки умения, присущи только разумному существу и отличают человеческий род от животных. Прагматические задатки, или способность общения, развиваются у человека в период цивилизации посредством культуры. Моральные задатки характеризуют человека как нравственное, разумное и свободное существо. «Итог прагматической антропологии в отношении назначения человека и характеристика его развития таковы. Человек своим разумом определен к тому, чтобы быть в общении с людьми и в этом общении с помощью искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность...»²

Следовательно, Кант отмечает тенденцию общения в развитии человека. Но существует, согласно Канту, и вторая тенденция — обособления. Первая из них свидетельствует о наличии природных задатков человека, помогает ему осознать себя как часть человеческого рода, неразрывную связь своих интересов с интересами всего общества. Вторая, которой Кант отдает явное предпочтение, способствует развитию природных задатков человека и является средством прогресса человечества. Это средство включает в себя борьбу противоречивых волей, интересов, честолюбия, эгоистических устремлений и необходимо для достижения высшего общественного блага. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (положение IV) Кант пишет: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это antagonизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законообразного порядка»³.

Таким образом, лишь благодаря борьбе противоречивых сил в истории возможно приобщение человека к культуре, развитие его талантов, вообще прогресс человечества.

Развитие всех задатков природы, заложенных в человечестве, по Канту, возможно лишь во всеобщем правовом гражданском обще-

¹ Кант И. Соч., т. 5, с. 278, 379.

² Кант И. Соч., т. 2, с. 578.

³ Там же, с. 11.

стве. Это не что иное, как идеализированное буржуазно-демократическое общество, основанное на свободе всех его членов, разумном законодательстве и, естественно, частной собственности. В соответствии с теориями французского и немецкого Просвещения Кант объявляет создание «совершенного правового гражданского устройства» высшей задачей природы. А существующие феодальные порядки, как противоречащие разумной организации совместной жизни людей, рассматриваются как противоестественные.

Проблема создания правового общества является наиболее сложной, и ее разрешение Кант относит к отдаленной эпохе. В чем же трудности его создания? Прежде всего и главным образом в неустрашимом противоречии между людьми, их интересами, а также между свободой, к которой склонен человек как природное существо, и принуждением, налагаемым на него обществом. Даже правовой порядок не устраняет этот антагонизм, а лишь ограничивает его.

Заслуга Канта состоит в том, что он правильно отмечает неустрашимость противоречий буржуазного строя, хотя и не вскрывая основной причины подобного явления — частную собственность на орудия и средства производства. Как идеолог своего класса, рассматривая соотношение индивидуального и общественного в человеке, Кант отдает явное предпочтение индивидуальному.

Свободу и равенство граждан Кант также понимал с позиций буржуазного просветительства, то есть формально: люди равны между собой потому, что они члены единого человеческого рода. С гуманистических позиций Кант определяет, что «самый главный предмет в мире, ...это человек, ибо он для себя своя последняя цель»¹. То есть человек желает быть целью для себя и не желает быть средством для целей других. Именно в этом Кант видит основу равенства и свободы человека.

Но люди могут быть и неравны в обычном, эмпирическом мире, например, в области хозяйственных отношений. Здесь формальный принцип свободы и равенства обнаруживает свою классовую подоплеку, подтверждая возможность социального неравенства. «Таким образом, — вынужден признать Кант, — человек, хотя его и следовало бы признать в некотором отношении целью, в другом отношении все же занимает лишь положение средства»².

Все это усложняет вопрос о месте и назначении человека в современном Канту обществе.

Кант констатирует, что человек зависит от многих внешних вещей, в каком бы состоянии он ни находился. Причем эта зависимость двоякая. С одной стороны, человек зависит от природы: «Он должен сообразоваться с ее принуждением, ибо для него ясно, что не всегда можно сообразовать вещи со своими желаниями». С другой стороны,

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 351.

² Кант И. Соч., т. 5, с. 459.

человек зависит от общества, а современный Канту человек — от общества, разделенного на классы и сословия.

Мыслитель отмечает, что гораздо более жестоким и неестественным, чем зависимость от природы, является подчинение одного человека воле другого. «Нет ничего ужаснее,— писал Кант,— когда действия одного человека должны подчиняться воле другого. Поэтому никакое отвращение не может быть более естественным, чем отвращение человека к рабству»¹. Кант заявляет, что, если речь идет о выборе между рабством и жизнью, каждый без колебаний предпочтет опасность для жизни, ибо в подчинении другому есть не только нечто крайне опасное, но и нечто отвратительное и противоречивое.

Зло, совершаемое природой, подчиняется определенным законам, которые человек может познать и согласовать со своими целями, тогда как зло, приносимое одним разумным существом другому, не подчиняется никаким правилам.

И, наконец, — «человек, зависящий от другого, уже не человек; он это звание утратил, он не что иное, как принадлежность другого человека»².

Как видно, в этих рассуждениях Кант выступает с прогрессивных позиций нарождающейся буржуазии, основным лозунгом которой было — «Свобода и равенство». Но Кант был представителем немецкой буржуазии XVIII века — слабой, половинчатой. В качестве выхода из отвратительного, противоречивого, неправомерного положения рабства как подчинения воли одного воле другого Кант предлагает не революцию, а нравственное совершенствование. Этой цели должны служить образование и воспитание.

На протяжении всей своей жизни Кант интересовался проблемами социальной педагогики, то есть проблемами воспитания и образования человека-гражданина. Он усиленно пытался отыскать и раскрыть «секрет воспитания». Современной системой образования и воспитания он не удовлетворен уже потому, что она не направлена на воспитание гражданина мира. Так, в работе «Размышления над чувством прекрасного и возвышенного» и в «Статьях о филантропии» он развивал мысль о методе воспитания, основанном на естественном развитии способностей человека с целью воспитания нравственного чувства. Краеугольные принципы нового воспитания человека — это свобода, деятельность, разумность, ответственность за свои поступки.

Кант особенно подчеркивал роль и значение самостоятельного мышления как важнейшей характеристики личности. В известной максиме «Думать самому»³ он формулирует принцип мышления, свободный от внешнего принуждения и от привычки к пассивному,

¹ Кант И. Соч., т. 5, с. 218.

² Кант И. Соч., т. 2, с. 220.

³ Кант И. Соч., т. 6, с. 471.

нерассуждающему подчинению. Согласно Канту, свобода человека — это, прежде всего, свобода разума, свобода мысли. Человек становится личностью лишь в том случае, если он обладает самостоятельным мышлением.

В воспитании способности самостоятельного мышления Кант видел цель обучения и в высшей школе. «Не мыслям он (т. е. преподаватель. — авт.) должен учить, а мыслить... Окончивший школу юноша привык учиться. Он думает, что будет учиться философии, но это невозможно, так как теперь он должен учиться философствовать»¹.

Критикуя недостатки профессионального образования, Кант сравнивает узкого специалиста с циклопом из-за его одноглазия, неспособности видеть окружающий мир с точки зрения других людей. Воспитать гуманистическое мировоззрение может лишь философия, полагает Кант.

3. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА

Рассматривая человека и общество, Кант логически приходит к идее войны и мира. И здесь немецкий мыслитель вносит определенный вклад в ее разработку. Правда, идея достижения вечного мира на основе всеобщего договора между государствами не была новой. Достаточно напомнить проекты Эразма Роттердамского, Сен-Пьера, Руссо, Гердера и других. Интерес Канта к этой проблеме был постоянен как в критический, так и докритический периоды его творчества. Не только в трактате «К вечному миру» (1793), но и в статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) и некоторых других Кант ставит вопрос о всемирно-гражданском обществе, основанном на союзе народов. Длительная борьба и войны между государствами, антагонизмы человеческого существования должны исчезнуть и привести к миру и единству, полагал Кант.

Идея вечного мира Канта, как и все его социально-политические взгляды, базируется на моральной основе. Согласно правилу общей воли, стремление людей к миру обнаруживается в них в виде постоянной внутренней необходимости в достижении высшего морального единства. Скорее, это не реальный, а идеальный мир, так как Кант видит в социально-объективной действительности борьбу эгоистических интересов и частных волей. Но существует моральный долг, определяющий направление общественного прогресса на пути к моральному миру как высшему идеалу. Мир как неустранимое требова-

¹ Кант И. Соч., т. 2, с. 280—281.

ние чистого морального сознания выступает, таким образом, как должностное.

Идея вечного мира имеет у Канта два значения: регулятивное и целевое. В первом значении подчеркивается момент ее практической реализации, усиливающий единство человечества на пути к вечному миру, а во втором — конечная цель развития человеческого рода, историческая перспектива. Кант не отдавал ясного предпочтения ни регулятивной, ни целевой значимости идеи вечного мира, но следует помнить, что ее практическая реализация является, с точки зрения немецкого мыслителя, лишь элементом морального совершенства как высшей цели развития человечества. «Установление связи между целенаправленной деятельностью людей и моральным прогрессом,— пишет И. С. Андреева,— открывает новые горизонты для последующего осмысления человеческой истории и для преодоления того умозрительного подхода к этим проблемам, который был свойственен Канту»¹.

Вслед за Руссо Кант обратил внимание на роль противоречий (антагонизмов) в историческом развитии. Противоречия и столкновения интересов и вынуждают людей и государство ради собственной выгоды, сотрудничества друг с другом заключать соглашения для предотвращения столкновений. С диалектических позиций Кант обратил внимание на значение не только противоречий, но и единства в общественном развитии, обусловленного общностью конечной цели.

Можно выделить два вида противоречий в общественной жизни у Канта: между людьми и государствами. Человек как эгоистическое существо с его склонностью к честолюбию, властолюбию или корыстолюбию противостоит подобным себе индивидам. Но поскольку люди не могут существовать друг без друга, они вынуждены вступать в отношения согласия и сотрудничества. Этот путь труден и извилист, но он приводит к ликвидации несогласия и свидетельствует о культурном прогрессе человечества.

Второй вид противоречий характеризует отношения между государствами. Та же «необщительность», «неуживчивость», которая характеризует людей, распространяется Кантом и на межгосударственные отношения. Природа использовала эти противоречия и в отношениях между государствами «как средство для того, чтобы в неизбежном антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности; другими словами, она, посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает сначала к несовершенным контактам, но в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального

¹ Философия Канта и современность. М., «Мысль», 1974, с. 241.

опыта, а именно — выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов...»¹.

Согласно Канту, причины возникновения войн коренятся в самой человеческой природе и обусловлены «собственной целью» природы по отношению к человеческому роду. Он отмечал, что в отношениях между народами не мир, а скорее всего война или готовность к ней является естественным состоянием. Таким образом, Кант решал эту проблему с натуралистических позиций. Он не видел, что истинные причины возникновения войн порождены наличием антагонистических общественных отношений. Но мысль о том, что состояние мира должно быть установлено усилиями, волей и разумом людей, была весьма прогрессивной.

Примечательно высказывание Канта о войнах как средстве самозащиты. В этом отношении он признает правомерность их ведения. Кант оправдывает и войны, которые ведутся в целях национальной независимости.

Он подчеркивал, что одной из причин расселения людей по земному шару является война, которую природа избрала в качестве средства для достижения этой своей цели. Война обнаружила необходимость урегулирования отношений между народами с помощью законодательства. В период войны могут проявляться скрытые таланты и способности, доблесть и достоинство народа, ведущего войну.

Но в целом отношение Канта к войне резко отрицательное. Он сурово осуждал агрессивные, захватнические войны. Разоблачая колониальную политику «цивилизованных» европейских государств по отношению к народам Северной Америки, Африки, Индии и Японии, он писал, что «несправедливость, проявляемая ими при посещении чужих стран и народов (что для них равносильно их завоеванию), окажется чудовищной»². Далее: «В Ост-Индии (Индостан) европейцы под предлогом устройства лишь факторий ввели войска, и вслед за этим начались угнетения туземцев, подстрекательство различных государств к широко распространенным войнам, голод, мятежи, вероломство — словом, весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим»³.

С беспощадной иронией Кант пишет, что главное отличие европейских «дикарей» (т. е. правителей государств) от американских состоит в том, что «первые умеют лучше использовать своих побежденных, чем просто съесть их, и предпочитают увеличивать ими число своих подданных и, стало быть, число орудий для войн еще более широких размеров»⁴.

Войны с их бедствиями и разорением могут тормозить, согласно

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 15.

² Кант И. Соч., т. 6, с. 277.

³ Там же, с. 277.

⁴ Там же, с. 287.

Канту, прогрессивное развитие человечества. Но моральный разум осуждает войны, и поэтому, с развитием культуры и гуманности, войн будет все меньше, вплоть до их полного исчезновения.

Кант считал, что никакое мирное соглашение не может устранить противоречий между государствами в силу того, что антагонизмы присущи человеческой природе и обществу. Оно позволяет лишь разрешить конфликт в законосообразных формах и сдерживать возникновение войн, но не устраняет постоянной опасности их появления. «Поэтому,— пишет Кант,— должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам, и навсегда»¹.

Таким образом, антагонизмы отношений людей и народов вынуждают, как это ни парадоксально, вступать в отношения сотрудничества и взаимопомощи, создавать всемирно-политические объединения народов и государств, создавать международное право и содействовать его соблюдению. Все это, в сущности, является реализацией нравственного разума, категорического императива.

Кроме того, Кант провозглашает наличие некоего природного механизма развития человечества, благодаря которому сохраняется мир. Это взаимный корыстолюбивый интерес, дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом².

Кант был убежден в прогрессивном развитии человечества, которое, по его мнению, совершает движение к высшему состоянию культуры. В добавлении «О гарантии вечного мира» он оптимистически заключает: «Именно таким способом — самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас добиваться этой не столь уж призрачной цели»³.

Важно обратить внимание на то, что теория вечного мира Канта наполняется новым содержанием. Он не только связывает ее с принципами морали, но высказывает замечательную мысль, что развитие человечества с объективной (природной) неизбежностью ведет к установлению вечного мира, к созданию союза народов. Вечный мир — это не иллюзия, а насущная задача, которая должна быть решена человечеством. В отличие от высказываний Сен-Пьера и Руссо, веривших в близкое осуществление этой идеи, высказывания Канта не оставляли иллюзий насчет легкости достижения этой цели.

Кант опубликовал свой трактат в 1793 г., вскоре после заключения Базельского мирного договора, которым была закончена война между Францией и Пруссией. Последняя вышла из этой войны окон-

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 288.

² Там же, с. 274.

³ Там же, с. 287.

чательно обессилевшей и экономически разоренной. Тем не менее опасность возникновения новой войны была велика. В такой неустойчивой обстановке Кант создает свое сочинение, направленное к миру, и оно нашло широкий отклик во многих европейских странах.

Проект заключения вечного мира он изложил в форме «предварительных» и «окончательных» статей. Предварительное соглашение должно устранить основные препятствия для мирных отношений между государствами. В шести статьях этого соглашения Кант сформулировал непременные условия, на основе которых возможно установление вечного мира. Немецкий философ обратил внимание на соблюдение справедливости и добросовестности во взаимоотношениях государств как непременного условия устранения причин возникновения войны. Он выступил в защиту суверенитета государств. С буржуазно-демократических позиций Кант выдвигает право каждого народа на самостоятельное политическое устройство и невмешательство других государств в его внутренние дела. Критикуя феодальные правовые представления о государстве как наследственной вотчине и подчеркивая право народа на самоопределение, Кант заявляет: «Государство — это сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого»¹.

Особое значение имеет выдвинутое Кантом предложение о ликвидации постоянных армий. Тем более, что оно было выдвинуто в период возникновения и становления прусского милитаризма. Кант видел серьезную угрозу миру в безграничном вооружении государств. Он выступает за замену постоянных армий добровольным военным обучением граждан, чтобы быть готовыми к защите страны от внешнего нападения.

Воистину опережая историю, Кант заканчивает первый раздел трактата следующими словами: «Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены»².

В «окончательных» статьях второго раздела трактата Кант говорит об общественно-политических основах вечного мира. В первой же статье этого раздела немецкий мыслитель определяет, что государственный строй каждого государства, входящего во всемирную федерацию, должен быть республиканским. Согласно Канту, республиканский строй основывается на идее первоначального (общественного) договора между людьми и чистом источнике права, то есть он воплощает разумное (буржуазно-демократическое) законодательство. При республиканском строе большинство граждан сможет принимать

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 260.

² Там же, с. 264.

участие в решении государственных вопросов, а для решения вопроса о войне потребуется согласие представительного органа власти (иначе и не может быть при таком устройстве); так как для решения вопроса: быть войне или нет? — требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они «хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя...»¹. Таким образом, Кант отстаивал право народа на согласие или несогласие по поводу объявления войны. Конечно, он ошибался, полагая, что в республиканском (буржуазно-демократическом) государстве народ может оказывать решающее влияние на внешнюю или внутреннюю политику государства, но мысли о народном представительстве, верховных правах народа, гласности и т. п. были весьма прогрессивны в его эпоху.

Вторая «окончательная» статья трактата касается идеи федерализма свободных государств как основы международного права, гарантирующей вечный мир. Кант недвусмысленно подчеркивает, что речь идет не о мировом государстве, а об объединении суверенных национальных государств на основе равноправного союза. «Это был бы союз народов,— пишет он,— который, однако, не должен быть государством народов»². Как отмечал немецкий марксист-философ Г. Менде, взгляды Канта не имеют ничего общего с созданием «мировой империи», а его мысль о мирном союзе народов представляет собой драгоценное достояние немецкой национальной культуры³.

Моральный разум связывает понятие свободного федерализма с понятием международного права. Кант видит цель разработки международного права не в доказательстве права на ведение войны, а в обосновании права мира и в конечном итоге приближении вечного мира. Оно обеспечивает право на нейтралитет, служит гарантией мира, позволяет создавать федерацию государств для совместной обороны. Но в конечном итоге высшей гарантией мира, по Канту, является морально-нравственный разум, принципы морального должностования. «Но разум с высоты морально законодательствующей власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, непосредственно вменяет в обязанность мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой»⁴.

Кант стремится соединить чистый и практический разум, наметить конкретные пути реализации той цели, которую он ставит,— достижение вечного мира. Выходя за рамки своей философской системы, он утверждает объективную реальность его достижения. «Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 268.

² Там же, с. 271.

³ Философия Канта и современность. М., 1974, с. 256.

⁴ Кант И. Соч., т. 6, с. 274.

идеи федерации, которая должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру»¹. С точки зрения Канта, вечный мир будет достигнут постепенно, путем реформ «преобразовательных революций», как результат взаимного согласия государств и правителей. Большое значение в данном вопросе он придавал также просвещению, нравственному воспитанию и разуму. В этом Кант следует традициям Просвещения.

Третья «окончательная» статья договора о вечном мире касается права всемирного гражданства как «необходимое дополнение неписанного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потом к вечному миру»². Оно включает в себя «право гостеприимства», согласно которому каждый человек может посетить любую страну и не подвергать свою жизнь опасности. И, наконец, «право посещения», обеспечивающее возможность каждому народу проживать на своей территории. Нарушение права всемирного гражданства осуждается Кантом, так как оно препятствует нормальному функционированию всемирно-гражданского целого, то есть системы всех государств.

Заслуживают внимание высказывания Канта о роли философов как выразителей общественного мнения в вопросах войны и мира. Правители должны прислушиваться к их голосу, ибо советы философов обусловлены общечеловеческим (морально законодательствующим) разумом. Публичное обсуждение жгучих проблем войны и мира, свободные высказывания подданных создают предпосылки для торжества конечной цели чистого разума — вечного мира. Более того, Кант считает, что публичность является определяющим критерием моральности правовых и политических актов.

Теория вечного мира, разработанная Кантом, несмотря на ряд ценных идей — необходимости установления мира, превращения идеи мира в практическую программу политической деятельности, идеи противоречия и прогресса на пути к достижению мира — носила абстрактный, формальный и утопический характер. Но постановка им проблемы устранения войн как средства решения спорных вопросов между государствами, осуждение агрессивных войн и гуманистическая устремленность немецкого мыслителя к миру вызывают большой интерес и в современный период истории.

¹ Кант И. Соч., т. 6, с. 274.

² Там же, с. 279.